

Феликс
Кузнецов

**ЗА ВСЕ
В ОТВЕТЕ**

*Нравственные искания
в современной
прозе*

8P2

к89

Феликс
Кузнецов

904.438
834.406

**ЗА ВСЕ
В ОТВЕТЕ**

*Нравственные искания
в современной прозе
и методология
критики*

Москва • Советский писатель • 1978

ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА ИМ. Н. К. КРУПСКОЙ

чаяния об «установлении правильных отношений с деревней», в конечном счете, явления одного порядка, предвестники и провозвестники перемен, которые зрели в глубинах народной жизни и которые несли с собой в Пинегу не только достаток и зажиточность, но и новый характер труда, новый быт, новые методы хозяйствования и руководства экономикой, новые взаимоотношения между людьми.

Самое начало этого драматического и длительного исторического процесса, необходимость его и запечатлел в своем новом романе Ф. Абрамов. И сделал это резко, талантливо, зримо.

Впрочем, критики, поддержавшие романы, правы: писателю не все удалось в его новой книге. И главный, обоснованный упрек писателю — в том, что в его остроконфликтном, социальном романе несколько в тени остался полюбившийся нам Михаил Пряслин, бесспорно, центральный герой романов Ф. Абрамова о Пекашине. Правда, в финале романа Пряслин подымается в полный рост, и мы убеждаемся, что и для него это время мучительных раздумий, сомнений и споров не пропало даром. Его самосознание выросло, и когда пришел час испытаний, он вместе с коммунистом Ильей Нетесовым и другими пекашинцами бесстрашно включается в борьбу за несправедливо пострадавшего Лукашина.

Роман завершается убежденными словами Ильи Нетесова о том, что «жизнь теперь к лучшему повернет».

Для Ф. Абрамова эти слова не декларация, но естественный, органический итог повествования, а точнее, — еще одной эпохи труда и борьбы пекашинцев. И одновременно — переход к следующей, заключительной книге его эпопеи. К той книге, которая, надо думать, введет нас в прекрасный и яростный мир труда, забот и преобразований сегодняшнего, современного колхозного Пекашина.

СВЕТ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

...В очерке «Сопричастный всему живому», напечатанном в «Нашем современнике» под рубрикой «О времени и о себе» (1973, № 8), Виктор Астафьев справедливо говорит о том, как опасно полагаться в литературе только на биографию, сколь бы богатой и многообразной она ни была.

Он против того, чтобы делать скидку тем начинающим писателям, кто, так сказать, попашет, затем попишет. «Я тоже входил в литературу «из рабочих», — замечает писатель, — но как-то хватило у меня ума не клюнуть на удочку, наживленную искусственным, дешевеньким червячком. А ведь мог бы, мог, поощряемый одобрительными похлопываниями по плечу, застучать сапожищами в литературных коридорах, бия себя в грудь кулаком: «Пушайте, потому как работяга!..»

Виктора Астафьева раздражает и то «из статьи в статью кочующее сочувствие к трудностям», которые сам он прежде испытал в своей и в самом деле нелегкой трудовой жизни. За такого рода отношением к его писательской биографии Астафьев видит осознанное или неосознанное стремление критиков к тому, чтобы «читатель был ко мне как можно снисходительней и разделили бы вместе с критиками этакое удивление напополам с восхищением, каковое обыкновенно бытует в глухой российской провинции: «Гляди-ко! Рахитом был, а ходит!..»

Что скрывается за этим чувством столь неожиданной обиды писателя на критику?.. Глубоко личное, выстраданное убеждение в том, что литература — дело серьезное и ответственное и оно не терпит скидок по каким бы то ни было причинам. Слишком часто В. Астафьев видел «одаренных людей», которые сгорали только потому, что «больше занимались пробиванием себя в литературу в качестве «работяги» и забывали о главном — о самоусовершенствовании». Слишком легко, на его взгляд, «безответственные критики» раздают безответственные похвалы только за то, что «вот-де рабочий, а пишет, творит».

«В который-то раз приходится повторять вслед за взыскательными писателями нашего времени простую истину, что в русской литературе не должно быть никакого баловства, никакой самодеятельности. Что нет у нас на это права». Почему? Да потому, что «за нашей спиной стоит такая блистательная литература, возвышаются горами такие титаны, что каждый из нас, прежде чем отнять у них читателя хотя бы на день или час, обязан крепко подумать над тем, какие у него есть на это основания».

Всей жизненной и творческой биографией своей Виктор Астафьев завоевал право на это суровое предостережение.

Из его биографического очерка «Сопричастный всему

живому» мы узнаем, что свой первый рассказ — «Гражданский человек» — В. Астафьев написал во время ночного дежурства на колбасном заводе, где он работал грузчиком и сторожем. За его плечами было к тому времени голодное, сиротское сибирское детство, детский дом в Игарке, ФЗО, фронт, ранения, тяжелый физический труд, шесть классов образования. Таковы были «горьковские университеты» начинающего писателя.

Впоследствии, отвечая на читательский вопрос: «Как возникают сюжеты Ваших произведений — случайно или Вы их ищете в жизни?» — Астафьев ответит: «Сюжет — не грибы, искать его для меня, например, дело бесполезное. Чаше всего сюжет, если так можно выразиться, сам меня находит... Мои сюжеты чаще всего приходят из воспоминаний, то есть из тех времен, когда я писателем не был и не знал, что им буду, а следовательно, и «сюжетов искать не мог».

А пока: «Учиться, не остаться литературным полудикарем: стать профессионально читающим, думающим и работающим — вот какую задачу должен был решить я, иначе мне, полуграмотному человеку, был бы конец как литератору». Эту задачу с особой жесткостью поставил он перед собой после первых шагов в литературе — книги рассказов «До будущей весны» (1953) и романа «Тают снега» (1958), которые не были творческой удачей молодого писателя.

Беспощадные — и живительные — эти слова В. Астафьев адресует не только себе, но и тем, кто идет в литературу из жизни. Слова, чрезвычайно важные и своевременные, потому что уж очень силен среди какой-то части молодых сегодня иску́с «нутра», непонимание того, что вне культуры, знания не было и нет подлинной литературы.

Биография и жизненная творческая позиция Астафьева, как и большинства других близких ему прозаиков, — впечатляющий урок уважения к труду, как физическому, так и духовному, урок уважения к знаниям, культуре как необходимому условию любого творчества, наконец, урок уважения к литературе. Подлинной литературе.

«Писательский труд — беспрестанный поиск, сложный, изнуряющий, доводящий порой до отчаяния». С таким подвижническим чувством входил Астафьев, как и другие близкие ему по духу писатели, в большую литературу, это

вещее чувство ответственности перед литературой и читателем печатью легло на лучшие произведения.

Литература для него беспрестанный поиск истины. Нравственной истины, истинной человечности прежде всего. Писатель ведет его, опираясь на огромный собственный опыт, на могучие традиции русской и советской литературы, на работу ума и души, обогащенных ценностями современного человеческого знания.

Книги его отмечены крепнущим литературным мастерством, богатством и точностью живого народного слова и, что особо стоит отметить, глубокой нравственной и философской культурой, культурой мысли и чувств.

Когда читаешь подряд книги В. Астафьева, начиная с повести «Перевал», «Стародуб», «Звездопад», «Кража», «Последний поклон», «Пастух и пастушка», «Царь-рыба», сборники его рассказов,— воочию видишь, как бурно рос этот самобытный писатель, какими внутренними толчками развивался его талант.

В критике уже не раз отмечалось, что как писатель в истинном смысле этого слова Виктор Астафьев начался с повести «Перевал» (1959); критик А. Макаров пророчески писал, что «Перевал» зачинает собою цикл повестей, к которым подошло бы название вроде «Истории моего современника». Об уважительном отношении Астафьева к критике свидетельствует хотя бы тот факт, что свой в известной мере итоговый сборник, вышедший в издательстве «Молодая гвардия», куда вошли повести «Стародуб», «Кража», «Последний поклон» и «Пастух и пастушка», писатель так и назвал: «Повести о моем современнике».

В движении от достаточно наивного «Перевала» и во многом противоречивого «Стародуба» к трагедийной повести «Кража», а потом к лирическому «Последнему поклону», к экспериментальной «пасторали» «Пастух и пастушка» писатель набирал новые литературные качества и одновременно преодолевал самого себя, свои слабости,— скажем, не только недостаток вкуса или литературную неопытность, но и некоторую ограниченность социального мышления, а также тот налет сентиментальности, на который как на свойство своего характера Астафьев указывал и в очерке «Сопричастный всему живому». Помнится, еще В. Розанов писал, что сентиментальность не столько доброта души, сколько хорошо развитое воображение. В литературе же сентиментальность нередко обо-

рачивается выпренностью слога, а порой и откровенной мелодраматичностью.

Опасность сентиментальности возрастает многократно, когда писатель имеет дело с предельно драматическим материалом, таким, который лежит в основе большинства произведений Астафьева. Сиротство и беды, несчастья покинутого родителями ребенка («Перевал»), обокраденное детство вообще (повесть «Кража»), любовь в госпитале или на войне, в окружении человеческой смерти («Звездопад» или «Пастух и пастушка») — как легко нарушить здесь знаменитое «чуть-чуть» и оступить в мелодраму!

Успех решает нравственно-философская позиция писателя, уровень его вкуса и культуры, мастерство и талант.

Если в «Перевале» Астафьев преодолевает трудности, органически таящиеся в жизненном материале повести, за счет некоторого упрощения художественных решений, — повесть эта скорее «детская», «для среднего и старшего возраста», — то в «Краже» он идет иным, крайне сложным для художника путем. От прозы, глубоко правдивой, но в известном смысле дидактической, Астафьев все смелее и решительнее обращается к прозе не только реалистической, но и нравственно-философской. В повести «Кража», пожалуй, впервые в полной мере выявились незаурядные возможности и особенности таланта Астафьева.

Самобытность дарования Виктора Астафьева, на мой взгляд, проявляется в сочетании, казалось бы, несоединимого: щедрого и искусного бытописания, внимания к быту, детали, подробности и глубокой одухотворенности, философичности, — сурового, подчас жесточайшего реализма — и лиричности, поэтичности манеры письма, в особенности страниц, посвященных любви, природе, где поэзия вырастает порой до романтической патетики. Но это не только не противоречит правде жизни, но углубляет, обостряет ее. То, что мы вполне условно определяем как романтическое начало в творчестве этого ярко выраженного писателя-реалиста, на наш взгляд, не что иное, как напряженность и мощь поэтического чувства, свойственного самой природе его дарования, его душе художника.

Направленность этого чувства очевидна, предмет его

любви определен и строг: это — Родина, Россия, ее природа и люди, их предназначение на этой земле. А если точнее — Советская земля, Советская Россия, ибо для него, начавшего жить, как он пишет, «в год смерти Ленина», иной России не существует.

Виктор Астафьев незамутненно чист, высок и нравствен в своем патриотическом чувстве, в этой своей любви. Он развивается в традиции того социального, демократического понимания народности, которое всегда составляло славу великой русской и советской литературы, в современности равняясь на Шолохова и Леонова, наследуя, если говорить о ближайших предшественниках, Твардовскому, Овечкину, Яшину.

Характерна особенность, впервые подмеченная А. Макаровым: уже в первом сборнике повестей «Листопад», изданном в 1962 году, Астафьев расположит их не в порядке появления, а первой поставит «Стародуб». «Стародубом» открывается и недавний сборник писателя — «Повести о моем современнике».

Повесть эта при некоторых недостатках, о которых уже много сказано в критике, беспощадно реалистична и убедительна в изображении древнего, патриархального кержацкого быта со всей бесчеловечностью его «древлеотческих устоев». Как справедливо заметил критик А. Михайлов в предисловии к сборнику В. Астафьева «Ясным ли днем» (Вологда, 1972), «забывать об этом нельзя, тем более что ныне порой проявляется склонность к идеализации патриархальной старины, к сглаживанию противоречий общественного развития».

С глубокой и страстной непризнью относится Астафьев к собственничеству, к бесчеловечью и дикости, которых, на его взгляд было немало в прежней деревенской жизни. Именно в них, да в духовном рабстве религии усматривает он истоки многих нравственных бед прошлого.

Органично и сильно звучит в книгах Астафьева и тема интернационализма — как естественного, будто воздух или вода, постоянного, глубинного свойства народной жизни. Объединение, а не разъединение людей утверждает писателем и в повести «Стародуб», и в «Перевале», и в повести «Кража», где писатель нарисовал трогательный образ старшего друга Толи Мазова, осетина Ибрагима. И повесть «Последний поклон» открывается новеллой о Васе-поляке, слепнущем музыканте-скрипаче. Ав-

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	5
<i>Глава первая. Принципы историзма и литератур- ный процесс</i>	34
<i>Глава вторая. Судьбы деревни в прозе и критике</i>	64
<i>Глава третья. Судьбы деревни в прозе и критике (Продолжение)</i>	147
<i>Глава четвертая. «Как человеку человеком быть...»</i>	214
<i>Глава пятая. Анатомия бездуховности</i>	248
<i>Глава шестая. Духовные ценности: мифы и дей- ствительность</i>	307
<i>Глава седьмая. Гуманистическая правда революции</i>	343
<i>Глава восьмая. В мире боец</i>	407
<i>Глава девятая. Человек «естественный» и общест- венный</i>	468
<i>Глава десятая. Встречи с грядущим</i>	520
<i>Глава одиннадцатая. С веком наравне</i>	565

Феликс Феодосьевич Кузнецов

ЗА ВСЕ В ОТВЕТЕ

М., «Советский писатель», 1978, 616 стр.
План выпуска 1978 г., № 361

Художник В. В. Локшин

Редактор В. П. Балашев

Худож. редактор Н. С. Лаврентьев

Техн. редактор Ф. Г. Шапиро

Корректоры Л. Г. Соловьева и И. Ф. Сологуб

ИБ № 1210

Сдано в набор 13.01.78. Подписано к печати 28.06.78. А 11002. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 32,34. Уч.-изд. л. 33,78. Тираж 20 000 экз. Заказ № 56. Цена 1 р. 80 к. Издательство «Советский писатель», Москва Г-69, ул. Воровского, 11. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48